

ГАЗЕТА «Право выбора» продолжает цикл публикаций отрывков из книги «Во власти истории. Евгений Шободов». Это поистине новая публикация исследовательских работ иркутского ученого, историка-краеведа Евгения Шободова. Читателям предлагается возможность ознакомиться с малоизвестными страницами жизни государственных и общественных деятелей, чьи судьбы были связаны с Иркутской губернией.

Николай Михайлович Ядринцев, известный литератор, сибирский общественный деятель, путешественник, археолог и этнограф, был еще и одним из лучших знатоков системы уголовного наказания в России второй половины XIX века. Книга Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» использовалась наряду с «Записками из Мертвого дома» Достоевского в работе правительственной комиссии, изучавшей возможность прекращения штрафной колонизации Сибири. В книге не упоминалось, что автор знает тюремный и острожный быт не понаслышке и сам находится в ссылке. Истинный патриот сибирского края Ядринцев был осужден за создание молодежной организации, имевшей цель защищать интересы сибиряков. Громкое дело «сибирских сепаратистов» закончилось для Николая Михайловича четырьмя годами отсиживания в Омской крепости и пожизненной ссылкой.

«Бродяга живет инстинктом», — писал Ядринцев в своей книге. — Минутой он беззащитен, всё отдаст, но когда ему захочется — всё возьмет. Привязанность к чему-нибудь — есть уже культура, а у него это культурное чувство по-настоящему». Оградить свою родину от вторжения влияния уголовной ссылки было важнейшей задачей патриота. Найдя поддержку среди членов правительственной комиссии, Ядринцев писал свои предложения и замечания по проектам документов. Он был реалистом и в отличие от некоторых современников, послыбителей режима содержания, ясно представлял необходимость строгости наказания, но исключая и смертной казни. Но он был горячим противником любой формы издевательств над заключенными, будь то «одиночки» тогдашних новейших французских тюрем или грязные клоповники русских острогов. Ядринцев много внимания уделял тюремной общине, ее влиянию на человека и системе исправления, основанной на традициях русской национальной общины.

Известность, полученная участием в работе комиссии, стала его пропуском на свободу. В начале 1874 года Ядринцев был освобожден из ссылки и восстановлен в правах. Вперед у него еще оставалось 20 лет наполненной событиями жизни.

Нике внимательно читатель предлагается отрывки из работ Ядринцева.

Обхождение с бродягами

«Постоянно наводняющие Сибирь бродяжеские партии так огромны, что ни крестьянству, ни земской полиции невозможно справиться с ними. Земская полиция в этом случае не может действовать только с помощью крестьянства: у крестьянства ловля бродяг отняла бы всё рабочее время, завлекла бы в бесчисленные и бесконечные судебные процессы, наконец, вызвала бы опасную для крестьян месть бродяг. Таким образом, сибирские крестьянские общества установили обычное право, на основании которого проход бродяг

Сибирские бомжи 100 лет назад

приходил, как собачь, какие приметы, и через месяц убит. Пронзительный этот сибиряк! Как нагонит, сейчас кричит: «Стой, варнак! Становись все под одну пулю! Разбойники!» Страх быть нашего брата. Убить ему ничего за всякую масть, а другие так и ни за что, только бы оборвать у кого денюгу, а то и одежонкой бродяжеской не побрегают. «Белка ведь стоит 5 копеек», — говорит он, — а с «горбач» все на полтину возмешь!» Теперь без винтовки его в дороге никогда не встретишь. Сдается — это сущий азиат! Сибиряк и нужду исполняет с винтовкой. Так характеризует бродяги сибиряка.

Сибирский «суд Линча»

Что же за причина, что сибирский крестьянин, мирный землепашец, становится таким воинственным преследователем и часто жестоки и беспощадным злодеем относительно личности угнетенной и приниженой?

Понятно, что люди бродячие вынуждены, большей частью, питаться попрошайничеством, воровством и обманом. Сведен в общее все бродяжеские профессии и мы увидим, что

по деревням свободен, обеспечена им милостыня, а иногда есть и возможность труда. Поэтому только важные уголовные преступления бродяг вызывают крестьянские облавы.

Новоселы, переселяясь из России, сначала перенесли свои воззрения на беглых и пустились ловить их; но деревни их стали выгорать, и сибиряки предупредили их, что если они будут продолжать преследования и находиться во вражде с бродягами, то никогда не отстроятся. Ныне новоселы, относительно обхождения с бродягами, заимствовали обычай у крестьян-сибиряков и перестали ловить их.

Но хотя сибирский крестьянин относится с терпимостью к бродяге, однако же состоит с ним в двусмысленных и даже враждебных отношениях: пропуская и принимая бродягу, когда он идет скромно и принижено, как мы видим, не так терпимы к бродягам, как сибирские, но бродяги денег их ненавидят, чем этих последних. «Русский нужник тебе денег даст, только отойди от него», — говорит бродяга, — сибиряк у него, он норвит тебя же оборвать. Эко, скажет, парень, у тебя

бродяги-то хорошие, давай меняться, на тебе лоухе... Сибиряк тебя накормит, только уж у него ничего не смеет тронуть. Топор теперь украд — он не спустит; в тот азарт выйдет. Сейчас в погоню, и итак 200 верст будет гнаться, а уж нагонит, он выследит, все тропинки в лесу объедет, где ты прошел, заметит, сук, шишка легат не так, как чера, — он увидит. Теперь ему davvero только раз взглянуть на человека — упомнит, в чем он

бродяжество тяжело ложится на крестьянство. Делание фальшивых ассигнаций, которое ведет крестьянина в острог и разорвет, обманы этим путем, знахарство, колдовство, шарлатанство и надувательство всякого рода, воровство, без которого не может прожить ни один бродяга, наконец, истребление нескольких тысяч человек — все это действует, конечно, разорительно и не может не быть чувствительным. С бродяжеством на крестьянство обрушились

и тучи преступлений, совершаемых во время прохода беглых. Воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаящихся, через увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования. Сверх того, бродяги часто умикают женщин, жен и дочерей крестьянских, с пашен и из лесу, провозят на дорогах нападения и насилия над ними; сельские дороги вообще небезопасны. Старки, женщины-богомолки, дети и все беззащитные постоянно подвергаются нападениям и ограблению бродягами. Убийства и грабежи в округах, посещаемых бродяжеством, нередки. Об этом часто печатаются известия и в местных губернских ведомостях. Много находят и неизвестно кем убитых мертвых тел. Один наблюдатель насчитал в одной Иркутской губернии в один год 55 таких найденных тел. При розыске таких преступлений в уездах и округах крестьянству иногда приходится силой брать бродяжеских преступников, и оно же несет жертвы в этих боях.

Ввиду всего этого сибирское крестьянство создало самосуд, и, таким образом, образовался «закон Линча» на нашей почве. Там, где общество не могло еще устроиться и организовать правильный суд и полицию, а между тем преступные нарушения общественной безопасности очень явны и возмутительны, там оно естественно прибегает к быстрому и решительному средству, чтобы сколько-нибудь обуздать зло. Применение суда народом в Американских штатах быстро и сурово. Там, на всем «далем западе» и в Калифорнии, народ нередко вешал пойманного преступника. В Сибири такая расправа должна была проявиться еще жестче.

«подковыная», в выдал битых таким образом: у одного из них впоследствии постоянно с ног слезала кожа. Если за воров гонится один хозяин, как это и бывает в большинстве случаев, то расправа становится пуля неминуема. Расправа за преступления в деревнях делается на виду и шельм обществом; даже старухи и ребята принимают в ней участие. Смертные приговоры при этом также не редкость.

Глаз за глаз

Привычка расправляться с бродягами создала в Сибири систему беззастенчивого истребления бродяг и наконец породила бесчеловечный промысел этих убийств. Это — род охоты за бродягами и обирание убитых; к ней даже, конечно, ничем не гарантированная жизнь бродяг и безответственность за них.

В Сибири есть местности, прославившиеся истреблением бродяг. Около Финга — таких колки (редкий лес), про которые бродяги говорят: «Здесь нет столько лесу, сколько нашего брата положено в сырую землю». Про черку Карасук в Томской губернии говорят: «Карасук уже прованян, так его и стрелять проходились бродягами». Есть и крестьянские имена, сохранившиеся в памяти бродяг, с которыми сопряжено понятие о зверских поступках с ними. Так, известен Битков, живший и промышлявший на Ангаре, Романов в Фингале, Заворота в Енисейской губернии, какой-то Волчок и многие другие. Много найдено рассказов об этих промыслах. Был бродяга и по дорогам, и по рекам; Романов, например, выезжал за деревню, ложился в колки поджидать бродяг, а потом бросался на бродягу и незаметно выплывал. Сидя на берегу, он дождался плот с пятнадцатью человеками бродяг и предупредил о случившемся и об угрожающей им опасности. Тогда они все разом отправились мстить за убитых и, убивая беглых крестьян в избушках на берегу, изрубил их на куски и бросил в воду. Ожесточение и месть одинаково сильны как со стороны крестьян, так и со стороны бродяг. Это была упорная и жестокая борьба...

Как ни сильна была развито истребление бродяг, но уничтожить их само собою крестьянство было не в состоянии. Навождение ссылки было слишком велико и постоянно возобновлялось. Все, что могло и умело сделать крестьянство, это сколько-нибудь усмирить дерзкие проявления бродяжества, разбить его силы и заставить его опуститься до обыкновенных нищих и мелких воров, которые страшатся крестьянина как своего властелина и страшного судью. Истребление бродяг и жестокий промысел на них, конечно, ничуть уменьшился: некоторые места Сибири уже слишком заселены и гражданами для этого, например, Толбольшая губерния; бурята Иркутской губернии уже не боятся бродяг как прежде, крестьяне не так явно действуют и в других местах. Но бродяжество не уменьшилось в Сибири: оно так же велико и в том же положении; преступления хотя изменились, но так же часты, и потому борьба с бродяжеством еще не кончена.

Крестьянин не щадит в своей расправе бродягу за преступление, особенно за воровство; за самой незначительной украденной вещь крестьянин часто гонится без устали десятки верст; иногда погони совершаются даже гуртом. Всех бродяг на пути обсыкают и виновного жестоко избивают до полумертвы. Обывателю такого бродягу по дрычкам — дубинами в руку толщину и иногда в сажень длины; иногда бьют по пяткам, по-китайски,

Фото с сайта kids.snet.in.ua, www.lib.uchicago.edu

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Из вольнодумцев в чиновники

ВЫДАЮЩИЙСЯ общественный деятель Николай Михайлович Ядринцев не только коснулся с своим творчестве вопросов управления Сибирью вообще и Восточной Сибирью в частности.

Нашей задачей при изучении этой темы было проследить становление как его личного взгляда на систему управления Сибирью, так и взаимоотношений с отдельными представи-

телями власти имушек. Вполне правомерно не только соотнести эти два аспекта между собой, но и найти подтверждение выводов в достоверных фактах биографии Ядринцева. Только таким образом можно раскрыть часть большой и сложной проблемы о взаимоотношениях знаменитого сибиряка и власти в целом.

Помимо традиционных источников — монографий и опубликованных статей самого Ядринцева — существенное значение могут иметь материалы личной переписки, а также документы служебной и общественной деятельности из архивных фондов административных учреждений Западной и Восточной Сибири.

Во взглядах Ядринцева на управление Сибирью можно выделить четыре периода. Первый период связан с началом общественной деятельности Николая Михайловича в первой половине 1850-х годов и характеризуется эмоциональной, безудержной, огульной, чаще всего несправедливой критикой любой администрации. Вскрывая видимые, действительные недостатки управления, Ядринцев, не сдерживаясь, дает самые уничтожающие оценки, не стесняясь в эпитетах.

Второй период связан с арестом, заключением в Омской крепости и ссылкой в Архангельскую губернию в 1865–1874 годах. Устранение от общественной деятельности привело к громадной работе по самообразованию. Изучение трудов, в том числе и на иностранных языках, по вопросам государственного устройства, колониального управления, всемирной и российской истории и естественствованию дали Ядринцеву необходимый запас знаний для разработки системных предложений в области управления. Именно в начале издательство Михаила Степановича в Сибири по опубликованным материалам

Однако, как следует из его писем к Григорию Николаевичу Потанину, эти публикации его не удовлетворяли.

От огульной критики государственного аппарата и его представителей Ядринцев перешел к серьезной, аргументированной, хотя и ограниченной рамками официальных изданий, публицистике.

Третий период связан со службой Ядринцева в Главном управлении Западной Сибири в 1876–1881 годах. Он по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Николая Геннадьевича Казанкова поступил на государственную службу и, таким образом, сам стал представителем сибирской администрации. Желание работать на благо родного края даже при поддержке генерал-губернатора столкнулось с реалиями чиновничьей жизни, которые поставили Ядринцева в двусмысленное положение. Так и не получив чина, Николай Михайлович тем не менее числился староналичником, а исполнял личные поручения генерал-губернатора. В графе формулярного списка о судимости записано: «С момента поступления на службу под судом и следствием не состоит и не состоит, хотя всем сослуживцам было известно о судимости Ядринцева по делу «сибирских сепаратистов».

Во-вторых, знаменитые алтайские экспедиции были совершены им по распоряжению генерал-губернатора и являлись служебными командировками. Лишь благодаря инициативе Ядринцева они превратились в комплексные естественство-географические экспедиции.

Во-вторых, именно в этот период Николай Михайлович мог стать видным государственным служащим. Однако сама служба в администрации в ратинном аппарате Западной Сибири не способствовала привлечению к службе молодых и

талантливых людей, как это было в Восточной Сибири при Николае Николаевиче Муравьеве.

Таким образом, в силу объективных обстоятельств, Николай Михайлович Ядринцев не мог после отставки Казанкова оставаться на государственной службе. В публикациях этого периода дается объективная оценка деятельности административно-управленческого аппарата, всех его достоинств и недостатков. Причем автор сам принимает непосредственное участие в ликвидации некоторых из них. Не приобретая, возможно, большого опыта административной службы, Ядринцев тем не менее полностью, на практике, изучил систему управления сибирскими губерниями.

Четвертый, наиболее сложный и продолжительный, период связан с самостоятельной литературно-публицистической деятельностью Николая Михайловича Ядринцева и приходиться на последние 14 лет его жизни. Попытка встать во главе общественного мнения в Сибири сталкивалась с интересами представителей бюрократического аппарата, не склонных легко обсуждать сибирские проблемы. И даже взвешенные, объективные статьи и публикации в газете «Восточное обозрение» вызвали резкий протест. Стандартные заключения о подрыве авторитета администрации стали сутью обвинений в адрес редакции и привели в конечном итоге газету к полному краху еще при жизни издателя. Неузнанный вопрос о сотрудничестве Ядринцева с нелегальной иркутской печатью может пролить свет на подлинное отношение выдающегося сибиряка к властям эпохи «Александровской реакции» в одном из писем к Всеволоду Ивановичу Вагину

Ядринцев намекал на передачу им материалов о роли генерал-губернатора Анучина в деле учителя-реформатора в зарубежных изданиях. Можно предположить, что и иные материалы, которые невозможно было опубликовать в России, издавались за границей.

Либеральные или представляющие себя либеральными администраторы считали полезным обращаться к материалам газеты «Восточное обозрение» и общаться с ее редактором. В качестве примера можно указать графа Алексея Павловича Игнатьева (иркутский генерал-губернатор), который еще до отъезда в Иркутск встречался с Ядринцевым, имел несколько бесед. Последний рекомендовал ему Михаила Васильевича Загонова, Всеволода Ивановича Вагина как знающих сибирские вопросы людей, готовых работать на благо родного края.

В 1866 году Ядринцев встречался с графом Игнатьевым в Иркутске. Сложившиеся доверительные отношения позволили ему рассчитывать на содействие генерал-губернатора газете «Восточное обозрение» после ее переезда в Иркутск. На наш взгляд, Ядринцев слишком идеализировал деятельность графа Игнатьева и совершенно напрасно рассчитывал на его поддержку. Николай Михайлович, сотрудничая с представителями официальной власти, не ставил себе никаких меркантильных целей. Наоборот, как свидетельствуют факты биографии, он выполнял интересные, перспективные в его понимании, то есть нужные для Сибири, поручения администраторов, довольствуясь скромными материальными средствами. В более поздний период он вообще делал это только из идейных соображений. Возможно, что и администраторы умышленно эксплуатировали эту черту характера Ядринцева, извлекая для себя определенную пользу.

Фото с сайта omskpress.ru